

СЕРГЕЙ ЮЮКИН

ХВОСТАТЫЕ ДРУЗЬЯ

ШАРИК И ПОПУГАЙ КЕША

Жил-был пёс Шарик. У него не было друзей. И ему так хотелось занять хоть одного друга. Но кто он такой – друг? Это должен быть – другой я! И находил, казалось, себе Шарик другого. Но стоило подбежать к луже и взглянуть на отражение, оказывалось, что новый друг вовсе не похож на него. Ведь Шарик подобен шарикку: маленький, круглый, пушистый, с закрученным калачом хвостом. Других таких нет. Вот и лежал он днями напролёт на пригорке под навесом, положив мордочку на вытянутые лапы, и тоскливо смотрел вдаль.

И как-то раз, тоскуя, он неожиданно услышал:

– Васька дурак! Васька дурак!

Приподняв ухо, Шарик закрутил головой, ища наглеца, который самым бесовестным образом ругается. Не найдя виновника, подумал: “Померещилось”. Положив мордочку на вытянутые лапы, прикрыл глаза и задремал.

– Васька дурак! – с хриплым надрывом повторился крик.

Такой наглости да на своей территории Шарик стерпеть не мог. Вскочив, он заметался в поисках нахала. Два раза оббежал вокруг забора, пошарил под кустами, обнюхал каждый укромный уголок. Посторонним не пахло. От мысли, что голос существует сам по себе и не имеет тела, его бросило в озноб. Совладав с волнением, он нерешительно спросил:

– Ав! Ты кто?

– Попугай, – слышался ответ.

Шарик ещё больше испугался, потому что, оглянувшись на голос, никого не увидел. Подогнув лапы, животом вжался в землю и, заикаясь, спросил:

– Зачем ты меня по-пу-гаешь?

– Я не попугаю, а попугай!

– Я... – думая, что его заставляют кого-то стращать, начал говорить Шарик, – никого не хочу пугать.

– Какой ты бестолковый. Это меня так зовут: по-пу-гай! – по слогам произнёс голос.

– Почему?

– Потому что я птица и умею говорить по-человечески.

И только сейчас пёс взглянул на куст клёна и увидел сидящую на ветке незнакомую птицу тёмно-зелёного цвета с длинным хвостом, с изогнутым вниз клювом и оранжевым животом.

– Что за диво? Ты, случаем, не Жар-птица? – помня, как Вася вслух читал сказку, поинтересовался пёс.

У него мелькнула надежда: вдруг этот пернатый специально скрывает, что является волшебником. Не будешь же в этом признаваться каждому встречному-поперечному. А если занять волшебного друга, можно творить такие чудеса!.. У

Шарика от воображения перехватило дыхание. То он видел мосол высотой с дом. То как водит Васю на поводке. А Барбос лебезит, приседая на передних лапах и склоняя голову до самой земли, готов языком лизать пыль, лишь бы угодить Шарику...

– Я попугай, а не жареная птица, – поведал незнакомец.

– Эх, жаль, – сглотнул слюну пёс. – Но почему я тебя раньше не видел?

– Я жил в плену у мальчика Васи. Сегодня он забыл закрыть клетку, я и улетел.

– А для чего он тебя пленил?

– Требовал, чтобы я повторял всякие дурацкие слова.

– Для чего?

– Чтобы перед друзьями хвастать, что я умею говорить по-человечьи.

– Как можно хвастаться чужими способностями? Если бы он сам говорил по-нашему, это было бы понятно.

– Люди все такие. Они пытаются себе присвоить то, чем не могут владеть. Я говорю по-человечески, а Васю от гордости раздувает. Теперь я на свободе. Могу делать всё, что хочу. Только с утра в рот ничего не брал, а так хочется есть. Не лететь же обратно в клетку.

– Не беспокойся, я накормлю тебя. Бежим, пока куры не склевали зёрна!

– Ты настоящий друг! – воскликнул попугай.

– Как? – опешил Шарик. Он даже забыл, куда хотел бежать. – Я же не похож на тебя.

Попугай, видя заминку пса, не решился спуститься с клёна. Он знал: другом назвать – не значит им стать. Спустись с клёна раньше времени, можно без перьев остаться. Ведь друг познаётся в еде. Поэтому попугай наклонился и с высоты начал объяснять, что такое друг:

– Внешне мы можем быть разными, но внутри...

– Кишки, – не раздумывая, ляпнул Шарик.

– Да не в животе, – повысил тон попугай, – а внутри души.

– Зачем я должен внутри душисть? Вдруг нечаянно кишку передавлю, – округлил глаза Шарик.

– Да не душисть, а души... Ну, как тебе сказать... Вот когда тебе радостно, что ты чувствуешь?

– Радость.

– А когда печально?

– А-а-а, теперь понял. Печаль нас душист.

– Да не она душист! – начал сердиться попугай на пса и дёрнул клювом ближайший лист, тот с треском лопнул пополам. – Лучше скажи мне, чем ты чувствуешь? – выронил он лист изо рта.

Шарику показалось: не ответь правильно, попугай клювом-кусачками порвёт его пополам. Поэтому напряг все свои мозги, и решение пришло само.

– Сердцем, – выпалил он.

– Не им, а душой ты чувствуешь, потому что душа находится рядом с сердцем. Всегда, когда радостно – распирает грудь, а когда печально – её сжимает. Мы ещё можем допустить, что сердце, расширяясь, распирает. Но как оно может сжимать

снаружи? – боком начал перемещаться по ветке попугай. – Разве может сердце так действовать?

Шарик не мог до конца понять замысловатых рассуждений попугая, поэтому согласно гавкнул:

– Нет!

– Правильно мыслишь! Это душа распирает и сжимает грудь. Теперь понял?

– Понял, – у пса почему-то зачесалось за ухом и он, присев, начал драть голову задней лапой. Стоило почесать, как всё сказанное пернатой птицей стало ему понятно, и он ответил: – Душа, распирая, радуется, а, сжимая, душит.

– Молодец! А сейчас перейдём к понятию “друг”. Если мы с тобой одинаково ощущаем, переживаем, мыслим, беспокоимся друг о друге, вместе играем и готовы пойти на смерть – ты за меня, а я за тебя, тогда мы настоящие друзья. Или, как говорят, не разлей вода.

– Как же так? – будто его окатили ушатом холодной воды, дёрнулся в сторону Шарик. – Нас, собак, когда мы дерёмся, всегда разливают водой.

– Кто дерётся – тех можно разлить водой, а тех, кто дружит – никогда, – махнул, как отрубил, крылом попугай.

– Я думал, что друг – это тот, который как две капли похож на тебя. Так вот почему я был одинок! А теперь ты со мной! – закатился Шарик радостным лаем.

– Так ты согласен стать моим другом или он у тебя уже есть?

– Согласен! Ты мой единственный друг!

– А теперь, друг мой, скажи, как тебя звать и поделись со мной трапезой.

– Шариком меня зовут.

– Очень приятно. А меня Кешей.

– Побежали быстрее за мной, – тявкнул пёс и направился к курятнику.

ЗНАКОМСТВО С ХРЮНЧИКОМ

Попугай, расправив крылья, поспешил следом. Когда пёс почти достиг цели, услышал за спиной радостный крик:

– Вижу!

– Кого? – обернулся он.

– Червяка! – крикнул попугай и, сменив траекторию полёта, начал пикировать в сторону забора.

– Стой! – попытался остановить его Шарик. – Это хвост поросёнка!

Но попугай, обуреваемый голодом, ничего не слышал. Приземлившись, он уцепился за извивающегося “червяка”.

– Ив! – раздался пронзительный визг.

“Червяк” неожиданно взвился вверх, увлекая за собой Кешу. Тот испугался и, с силой сжав клюв, шумно захлопал крыльями. Это ещё больше напугало сонного поросёнка. Он заметался по двору, ища спасения. Попугай болтался на хвосте из стороны в сторону, а Шарик пытался не отстать, лая изо всех сил:

– Отпусти хвост! Отпусти хвост!

Когда поросёнок резко повернул и бросился во двор, попугая занесло. Ударившись об распахнутую дверь, он разжал клюв и, теряя сознание, покатился под забор...

– Он меня укусил! – донёсся до попугая визг.

– Он не кусал! Просто-напросто хвост с червяком спутал! – послышался ответный лай.

– Для тебя это просто, а для меня сложно! Что бы я делал без хвоста?

– А для чего он тебе нужен?

– Если есть, значит, нужен! И вообще, как можно такой красивый хвост спутать с мерзким червяком?

– Сам виноват. Не надо было им крутить.

– И что, каждый из-за этого должен за него хватать?

– Хорошо хоть не оторвал и не съел.

– Я этот пучок перьев сам съем!

Кеша открыл глаза и увидел мчащегося на него покрасневшего поросёнка. По налитым кровью глазам понял, что тот не шутит.

– Не тронь! – зарычал Шарик и, сделав прыжок, преградил путь. Поросёнок резко затормозил, сел на зад. – Я за друга кого угодно порву! – сделал шаг навстречу Шарик.

– Я... я... – пришёл в замешательство поросёнок. Наконец он сообразил: – У меня, может быть, тоже друзья имеются. Они тебя по частям растащат.

Попугай, воспользовавшись моментом, вспорхнул на клён.

– Ну, и где они? Веди. Я не боюсь, – начал хорохориться Шарик.

Поросёнок неожиданно скис:

– Нет у меня друзей...

– Знаю. Не зря я двор охраняю. От моих глаз ничего не скроешь. Чтобы иметь друга, надо... – Шарик задумался, – делиться едой. А ты никому не оставляешь.

– Все свиньи так поступают, – потупился поросёнок.

– Да-а-а, – зачесался Шарик. Потом радостно вскочил. – Хочешь, Хрюнчик, мы станем твоими друзьями?

– А не обманете? – загорелся поросёнок.

– Где это видано, чтобы попугаи ввали? – горделиво подал голос Кеша.

– Хочу! Непременно хочу! Прямо сейчас и вот на этом месте! – с пылкой радостью заявил поросёнок.

– Вот и хорошо. Теперь ты наш друг, а мы – твои. Давай, Кеша, лети сюда! – позвал Шарик.

Попугай не заставил себя ждать, быстро спланировал и уселся перед друзьями.

КЛЯТВА И ТЕРПЕНИЕ

– А теперь будем принимать клятву. Повторяйте за мной. Я, собака...

– Ты собака, – вторя ему, повторили попугай с поросёнком.

– Да не собака, говорите... – начал возмущаться Шарик.

– А кто ты? Может, волчьей породы? – от такой догадки у поросёнка отвисла челюсть. – Мама рассказывала, что волки поросят воруют. Может и ты...

– Ещё не хватало, чтобы мою благородную породу с кем-то путать, – обиделся Шарик – Собака я! Я в клятве называю себя собакой, ты – поросёнком, а Кеша – попугаем! Поняли?

– Так бы сразу и сказал, – хрюкнул поросёнок.

– Ну, ладно, начали, – приподняв голову, Шарик стал произносить слова клятвы: – Я, собака, верный друг, я торжественно клянусь... Повторяйте!

Те повторили, не забыв вставить в клятву свои имена.

– Сало, мясо не съедать, всё друзьям отдавать, – продолжил Шарик.

– Так не пойдёт, – запротестовал поросёнок.

– А я согласен, – заявил попугай, надеясь, что наконец-то его накормят.

– Вот видишь. Кеша согласен, а ты нет.

– Если я еду отдам, мне-то что останется? – надул щёки поросёнок.

– Как что? – возмутился Шарик. – Я тебе – кость, а ты мне – свою еду. Потом ты Кеше – кость, а он тебе – зёрнышко.

– Интересно: тебе целое корыто, Кеше огромный мосол, а мне всего-навсего зёрнышко? – запыхтел поросёнок.

– О! – тут же нашёлся Шарик. – Ты, Хрюнчик, вернёшь Кеше зёрнышко, а он тебе кость.

– Вот так по-дружески, – чавкнул поросёнок. – Только как я её грызть буду? У меня ведь зубы молочные.

– Жрать захочешь – целиком проглотишь. Давайте заканчивать... Чтобы клятва была на веки вечные, надо её связать навсегда, – заявил Шарик.

– Верёвкой что ли? – уставился на него поросёнок.

– Верёвкой не пойдёт, – пёс начал осматриваться вокруг и, увидев вращающийся хвост поросёнка, решил: – Хвостами надо связаться, чтоб дружба была навеки.

Так и поступили.

– Теперь надо проверить дружбу на прочность. А ну-ка, дёрнем.

И рванули они, что было сил. Кешин хвост изогнулся и выскользнул из связки, а поросёнок с Шариком, взревев от боли, рухнули на землю. Попугай чуть не заплакал:

– Как же так? Вы навеки, а я...

– Хватит держать, пусти! – взвизгнул поросёнок.

– Это ты меня пусти! – огрызнулся Шарик.

– Я бы рад, но не могу.

– Думаешь, я могу?

– Что ж, теперь нам всю жизнь быть связанными?

– Зато дружба крепче, – с завистью сказал попугай.

– На кой она мне такая дружба, если я хвостом вилять не могу, – рявкнул Шарик. – Давай, Кеш, развяжи нас, пока наша дружба совсем не запуталась. Её только раз испытывают, а не всю жизнь.

Попугай, щелкая клювом, принялся развязывать хвосты, но они так стянулись в узел, что он нечаянно ущипнул Шарика. Тот вскрикнул. Поросёнку померещилось,

что попугай начал откусывать им хвосты, и он, зажмурив глаза, пронзительно завизжал.

– Ты что орёшь? – услышал он Шарика и, открыв глаза, увидел пса с целым и невредимым хвостом.

Но заметив, что его отросток цел и невредим, заизвинялся:

– Да я это так, для профилактики, чтобы Кеша действовал осторожней. За тебя беспокоился.

Попугай вдруг застонал:

– Живот к позвоночнику притянуло. Дружбу мы испытали, а теперь подкрепить бы её надо.

– Вечером, – увидев, что куры доклевали остатки корма, сказал Шарик. – Придётся потерпеть.

– А как? Я не знаю.

– Так ты и терпеть не умеешь?

– Когда в клетке жил, ел столько, сколько хотел. Поэтому не научился.

– Тогда слушай. Терпеть – это когда чего-то очень сильно хочется, а получить не можешь. Ну, вот, например, – Шарик посмотрел в сторону соседского дома, – когда Барбос кость грызет, у меня слюнки текут, я их глотаю, но вида не подаю.

– А ты бы попросил у него, – посоветовал поросёнок.

– Ты что? Мы, собаки, за своё добро кого угодно покусам.

– А ты бы представил, что Барбос твою кость грызёт, взял и покусал бы его.

– Я?.. – Шарику было стыдно признаться, что он слабее соседа, поэтому попытался оправдаться: – Я, конечно, могу. Но тогда как научиться терпеть?

– И то правильно, – согласился поросёнок.

– Так ты понял, Кеш, как надо терпеть?

– Понял, – кивнул головой попугай. – Это когда у тебя слюнки текут, а ты их сглатываешь.

– У меня слюнки текут только тогда, когда я ем, – заявил поросёнок. – А если голоден – визг поднимаю, меня сразу кормят.

– Давай, попробуй, – в надежде, что появится еда, облизнулся Шарик.

– Не надо! – задрожал попугай. – Вдруг меня Вася увидит.

– Ты прав. Слышь, Хрюнчик, надо спасти друга. Может, у тебя что осталось после завтрака?

– Мне самому всегда мало. Приходится землю ковырять, разные корешки собирать. А у тебя не осталось?

– Я тоже всё съел.

Друзья задумались.

ИСПЫТАНИЕ ДРУЖБЫ

Неожиданно поросёнок сузил глаза и, подозрительно уставившись на Шарика, поинтересовался:

– А от вчерашнего ужина разве у тебя ничего не осталось?

– Мало ли что было вчера? – прикинулся Шарик. – К тому же целые сутки прошли, разве упомнишь.

– Да-а-а. Плохая у вас, собак, память.

– С чего это ты взял?

– С того, что ты закопаешь кусок хлеба, а я ковыряюсь, ковыряюсь – найду и съем.

– Так это ты воруеть? – У Шарика аж дыхание перехватило. – А я-то думаю: куда это мои припасы исчезают?

– Почему это – ворую? – заюлил поросёнок. – Ты же не помнишь, что они твои, а мне невдомёк.

– Я всё помню! Просто мне хотелось узнать, кто это ворует?

– А на кусках не написано, что они твои. Поэтому я думал, они сами под землёй растут, как грибы. Но в день, когда ты прячешь, я в этом месте не ковыряю, – заверил поросёнок.

– Не ковыряешь, потому что знаешь, что я за этим местом наблюдаю.

– А почему не стережешь там, где спрятал позавчера?

– Мест много, а я один. Не могу же я на части разорваться. А память у меня хорошая. Помню, что неделю назад под забором кусок хлеба закопал.

– Вот теперь мы накормим Кешу, – обрадовался поросёнок.

– А вдруг хлеб плесенью покрылся? – стал выкручиваться Шарик.

– С плесенью он ещё вкусней.

– Плесень – яд!

– Вася же не отравился, когда сыр с плесенью ел. Сам видел, – сказал поросёнок и устремился к забору.

Шарик поплёлся следом. Кому хочется отдавать своё добро? Но делать нечего. Иначе подумают, что он жадный, и потеряет он с таким трудом приобретённых друзей. Пока плёлся, поросёнок успел выкопать из земли кусок хлеба, покрытый белым налётом.

– А вдруг Кеша всё же отравится? – сморщился Шарик.

– На то и друзья, чтобы этого не произошло, – облизнулся поросёнок. – Ради друга даже собой пожертвую. Если живым останусь – хлеб съедобен, – и, не дожидаясь согласия друзей, с причмокиванием слопал хлеб. – Теперь лягу, а вы наблюдайте: жив я или мертв, – и блаженно растянулся на земле. Шарик с Кешей присели напротив.

Солнце приятно грело. Шарик сощурил глаза и, вытянувшись, положил мордочку на лапы. Поросёнок прикрыл веки и размечтался: “Хорошо, когда сыт. Никуда не надо бежать и искать, что сожрать. Спи, сколько хочешь. А чем больше спишь, тем лучше сало нарастает. Смотришь, и станешь авторитетной свиньей. Шея исчезнет. Вместо неё рыло сразу в туловище перейдёт. И на животе сало нарастёт. При таких авторитетах никогда голодным не будешь. Кто встанет на пути – если не спихнёшь, то затопчешь и всегда сыт будешь. А где сытость, там думать не надо. Спи и ещё больший авторитет наращивай”.

Шарик тоже впал в грёзы: “Вот так бы зимой солнце грело, как сейчас. Не надо было бы скручиваться в комочек и дрожать от холода. И линять не надо ни весной, ни осенью. Как приятно вот так лежать и думать обо всём. Зимой разве помечтаешь?”

Нет, что ни говори, а лучше лета ничего нет на свете”. И посмотрев на солнце, решил своей радостью поделиться с друзьями:

– Какое солнце...

– Хмурое, – нахохлившись, перебил его попугай.

– Не хмурое, а хорошее.

– Для тех, кто постоянно лает, может, и милое, а для меня хмурое.

– Ням-ням, – прошамкал поросёнок.

Кеша с Шариком повернулись к нему – тот посапывал носом. Вскоре его дыхание стихло.

– Умер, – с дрожью молвил попугай.

Шарик привстал и начал принюхиваться.

– Чего носом дергаешь? – закричал попугай. – Спасать надо!

Подлетев к поросёнку, он уцепился за хвост и, упираясь ногами, с силой потянул на себя. Шарик не знал, как спасать, и по примеру Кеши подпрыгнул к поросёнку и зубами впился в ухо. Хрюнчик, завизжав, вскочил и ринулся бежать. Попугая замотало из стороны в сторону, Шарик упирался ногами, как тормозами, ещё крепче сжимая зубы. И сколько бы они кружились – неизвестно, если бы попугай на повороте не ударился о забор и не укатился в крапиву. Оттуда он заорал благим матом. Шарик, не понимая, что случилось, открыл рот и выпустил ухо поросёнка. Тот, наконец, очнулся и понял, кто на него напал.

– Вы что это, а? – остановившись, растерянно уставился он на друзей.

– Мы думали, ты умер, – честно признался Шарик.

В это время появился попугай.

– Ты же отравился, – чесал он крыльями ноги.

– Фу! – фыркнул поросёнок. – Забыл, что хлеб на ядовитость пробовал. Ничего, есть можно, – тут он поправился, – но только мне. А Кеше – разве что один ма-а-аленький кусочек...

– Так ты и кусочка не оставил! Всё проглотил!

– Это из-за комплекции, – раздулся Хрюнчик и свысока глянул на попугая. – Кеше куска много, а мне надо бы ещё добавить.

– А этого тебе не надо? – оголил клыки Шарик.

– Как что – так зубы показывать, – обиделся тот. – А ещё другом называешься.

– Дружкой, Хрюнчик, надо дорожить, а не пользоваться.

– Сами же предложили травиться. Ради вас рисковал.

– Тьфу ты! – чертыхнулся Шарик. – Нашли, кому доверять. Не зря говорят: кто не сожрёт, то свинья подберёт. Как я об этом забыл?

– А мне-то что делать? – печально опустил крылья попугай.

– Я б тебя накормил, было бы чем, – Шарик врал. У него имелся ещё один запас. Может же Кеша потерпеть до вечера? Не подавится же слюной. Поэтому он произнёс: – А вдруг хлеб и правда ядовит, а мы мало ждали? Давайте посидим и подождём.

– А долго? – поинтересовался попугай.

– Ну, так... – прищурившись, Шарик уставился на солнце, – часа два. Точнее, до обеда.

– До моего? – поинтересовался поросёнок.

– Что ты волнуешься? Умрешь, тебе и обед не понадобится, зато другим сгодится, – сказал Шарик и облизнулся.

– Я не собираюсь умирать. Да и вообще, я чувствую себя прекрасно! Давайте лучше поспим. Сон любой голод одолеет, – предложил поросёнок и сладостно зевнул.

Зевота передалась и на друзей, поэтому их долго уговаривать не пришлось. К тому же Шарик не хотелось делиться последним куском. Поросёнку же хотелось ещё поспать, а попугай желал быстрее избавиться от чувства голода. Они легли в прохладную тень под навесом, так как солнце начало нещадно палить. Поросёнок, развалившись на пучке соломы, уснул сразу. Шарик оставался лежать с прикрытыми глазами и никак не мог уснуть, поскольку попугай ворочался с боку на бок, создавая лишний шум.

– Хрюнчик! – послышался голос Васиной мамы. – Ты где? Беги, мой маленький. Я кушать тебе принесла. Уже в корыто налила.

Но поросёнок так разомлел, что не слышал зова.

– Ой, она меня увидит, – бросился прятаться за спиной у Шарика попугай.

– Ты же попугай. Хрюкай быстрее, – соскочив, наострил уши тот.

– Хрю-хрю, я бегу! – захрюкал Кеша.

– Вот молодец! – послышалась похвала и звук удаляющихся шагов.

Пёс устремился к кормушке, но Кеша его опередил. Шарик показалось, что летит целая стая, поскольку Кеша с такой силой хлопал крыльями и создавал такой турбулентный шум, что, заставил Шарика остановиться и припасть к земле.

– Стой! – закричал Шарик вслед. – Вдруг еда отравлена! Вначале мне надо попробовать, а потом тебе!

Его крик магически подействовал на попугая. Не долетев до пищи он тяжело приземлился, подняв клубы пыли. Шарик, пробегая сквозь пыльный туман, два раза чихнул, чтобы освободиться от щекотки в носу. Он, не раздумывая, сходу набросился на кашу и вскоре дочиста вылизал дно.

– Ну, и как? – заглядывая ему в рот, спросил попугай.

– Не распробовал... Видать, малая концентрация яда была.

– А как же я?

– Пойдем, я тебя угощу, – смилостивился Шарик и направился к забору.

Со стороны можно было бы подумать, что в круглый шар воткнули четыре коротких палки и непонятным образом заставили их шевелиться.

Шарик подошёл к забору и, с трудом работая лапой, откапал хлеб. Тот оказался измазанным землёй, зато без плесени. Пыхтя, Шарик отодвинулся в сторону, а Кеша подскочил и начал спешно клевать. Неожиданно появился поросёнок и возмущённо закричал:

– Что же это получается? Пока я спал, вы мой обед слопали!

– Мы думали: ты умер... – начал сочинять пес.

– Друзьям врать нехорошо, – с осуждением качнул головой попугай. – Шарик просто пробовал твою еду.

– А что её пробовать? – начал выходить из себя поросёнок. – Еда она и есть еда! Надо было меня разбудить! Только я имею право пробовать!

– Мёртвых не будят. Их закапывают, – отвёл глаза в сторону Шарик.

- Но я жив и голоден!
  - А откуда нам было знать? Ты бы ещё до утра спал. Я твой обед съел, а Кеша мой. О тебе тоже не забыли, вон крошки остались. Всё по-дружески.
  - Я так не согласен!
  - А не ты ли клялся с друзьями делиться? Я в два раза больше тебя поделился, аж на два куска хлеба! Один тебе, один Кеше, а ты какое-то одно корыто мне пожалел. Ты целый кусок хлеба съел!
  - Действительно, – хрюкнул поросёнок. – Но почему я голоден?
  - Когда поспишь, всегда себя так чувствуешь, – заметил попугай.
  - И со мной такое по утрам бывает, – поддержал Шарик. – Так что не надо было спать, Хрюнчик. Мы вот не спали и сытно себя чувствуем.
  - Я как-то об этом не подумал. Простите меня за то, что я вас чуть было ни обидел, – почувствовал вину поросёнок.
  - Прощаем, – снисходительно кивнул Шарик. – А теперь пойдёмте, отдохнём.
  - Отдохнуть не мешает, – согласился попугай.
- И друзья отправились в тень.

МОРЕ-ОКЕАН

Отдыхают друзья под навесом. Шарик лежит на спине, подложив передние лапы под голову. Поросёнок прилёг на подогнутые ноги. Так притупляется чувство голода. А Кеша, привыкший сидеть на жердочке, за неимением её завалился набок, но по привычке согнул пальцы, будто за что-то уцепился.

- Лежу, смотрю и думаю: что такое Мир? – в задумчивости произнёс Шарик.
  - Тебе хорошо, – приподнял голову поросёнок. – Ты сыт, потому тебя на философию потянуло.
  - Философия вещь нужная. Она не даёт мозгам застаиваться.
  - Но бесполезная. Ей не наешься, разве что умом двинешься.
  - Ты не прав, Хрюнчик. Вот ответь мне, что такое, в твоём представлении, Мир?
  - Для меня Мир дальше моего носа не простирается. Иначе вкусного корешка не найдёшь.
  - То-то я думаю, что это вы, свиньи, вечно с опущенными головами бродите?
  - А для чего вверх смотреть? Там еды нет.
  - Ты не прав. Я на охоте был и видел, как с неба утки падают.
  - С неба может падать только дождь или снег, а утки с земли взлетают и на неё обратно садятся.
  - Нет, падают! Готовые к употреблению! Живого я ничего не ем, поэтому я знаю! Объясни ему, Кеш!
- Попугай нехотя поднял голову и ответил:
- Я раньше думал: Мир – это клетка и комната, в которой она находится. Потом за окном увидел вас. А потом, когда вырвался на волю, удивлению не было предела. Меня чуть инфаркт не хватил. Мир оказался таким огромным!..
  - Это ещё не весь Мир, – с видом знатока заявил Шарик.

– Как? – пришёл в изумление попугай.
– А так. Мир ещё огромней, чем мы видим.
– Не может быть!
– Врёт он. Он дальше пригорка не бегал, – затаив обиду, съязвил поросёнок.
– Я вру? – Шарик привстал и испепеляюще уставился на поросёнка. – Да ты знаешь, что за теми горами?! – кивнув в сторону сопки, выкрикнул он.
– Знаю, как и ты, что ничего не знаю, – ухмыльнулся поросёнок.
– За теми горами море-океан! – воскликнул Шарик.
– Да какое там море?
– Если ты, Хрюнчик, не веришь – не слушай и другим не мешай. Рассказывай Шарик.

Попугай знал, что Родина пернатых находится далеко за горами у синего моря. А в каком месте – этого не знал. Поэтому к рассказу проявил неподдельный интерес.

– Да мне всё равно, пусть рассказывает, – с притворным равнодушием откликнулся поросёнок, хотя ему очень хотелось узнать про море.

– Море, – продолжил Шарик, – это такая большая-пребольшая лужа, как вон та, под пригорком, но только в тысячу, а может, в десять тысяч раз больше.

– Не может быть! – глядя на грязь в луже, удивился попугай.

– И берег у моря только один.

– Ха! – воскликнул поросёнок. – Такого не бывает!

– Я об этом слышал от Васи, когда тот читал книгу, – начал раздражаться Шарик.

– Если у лужи не будет берегов, она вся вытечет!

– Лужа вытечет, а море не вытекает! Если ты, Хрюнчик, сомневаешься, сходи и убедись.

– Мы, свиньи, если в чём сомневаемся, туда не ходим. Так безопасней.

– Не надо спорить друзья, – вмешался попугай. – Надо слетать и посмотреть.

– Кеша дело говорит, – сдвинул брови Шарик. – У него крылья, как у самолёта.

Он сам взлетит и нас поднимет.

– А смогу?

– Почему нет? Поднимает же самолёт толпу людей? Поднимает. А нас всего лишь двое.

– И откуда ты, философ, всё знаешь, – опять засомневался поросёнок.

– Я не ковыряюсь днями напролёт в земле, а иногда на небо смотрю и около Васи кручусь, слушаю. Давай лучше думать, как нас Кеша поднимет.

– Тебя за шерсть уцепит. А меня за что? За хвост? Боюсь, оторвётся. К тому же вниз головой глаза кровью нальются, и я ничего не увижу.

– Придумал! Тебя в рыболовной сети поднимем, – сказал Шарик и побежал к забору, на котором сушилась снасть. Стащив её, расстелил на земле и, когда поросёнок встал посередине, перекинул концы через него. Сам встал рядом. – Всё, готово. Давай, друг, цепляй нас и поднимай.

Кеша подлетел и ухватил одной ногой Шарика за шерсть, другой за сеть – попытался взмыть вверх. Но как бы он ни махал крыльями, ничего не получалось. Тогда рванул, что было сил. Безрезультатно. Вконец обессилив, он рухнул, распластав крылья и высунув язык.

– Ты чего это бросил? – недовольно зачавкал поросёнок. – Мне полёт только начал нравиться, а ты...

Поросёнку казалось, что он летит, так как из-за боязни высоты закрыл глаза. Дерганья принял за парение в воздухе.

– Поздно, Хрюнчик, мы уже слетали, – улыбнулся Шарик. Он видел, как поросёнок в страхе сжимал веки.

– Не слепой, вижу. Одно странно, двор за морем такой же, как и наш.

– А море?

Поросёнок ответил уклончиво:

– Видел что-то голубое, но не разобрал. Вот если бы висел вниз головой...

– Да не был ты там, – отдышавшись, выдавил из себя попугай.

– Как это? – покраснел поросёнок. – А что же тогда я голубое видел?

– Я не смог вас поднять.

– Что же делать? – растерянно засопел тот носом.

– Пусть Кеша один взлетит и посмотрит, – предложил Шарик.

– А вдруг обманет? Надо двоим видеть.

– Почему именно двоим?

– Так заведено. Свидетелей должно быть два.

– Кто заводил, тот плохо думал. Двое всегда могут сговориться и обмануть, а одному не с кем сговариваться, поэтому он никогда не обманет.

– Об этом я как-то не подумал. Тогда пусть летит...

– Давай, друг, посмотри, что там... – сказал Шарик. Ему очень хотелось узнать, как море с одним берегом может держать воду.

И попугай взмыл вверх. Когда, как казалось, он достиг облаков, друзья закричали:

– Видишь?

– Нет!

– Тогда лети выше!

Попугай взмыл ещё.

– Видишь?

– Нет!

– Давай выше!

Попугай, не отдохнув от прежнего полета, прилагал все усилия. Но силы быстро таяли и вскоре он, свалившись на бок, камнем сорвался вниз.

– Высоко взлетел, видать, от солнца угорел! – сказал поросёнок и, предвидя результат падения, зажмурился.

Пёс заметался:

– Выходи из пике!

Попугай перед самой землёй расправил крылья и тяжело приземлился.

– Жив? – подскочил к нему Шарик.

Но тот ничего не ответил, его било мелкой дрожью. Поросёнок осторожно открыл один глаз, второй. Увидев невредимого друга, спросил:

– Ну, что? Какое там море?

– Ты что, Хрюнчик, не видишь, ему плохо.

– Водой его надо полить. Пусть остынет, а то палеными перьями в нос ударило.

– Там, – вяло махнул попугай крылом, – голубая полоса вроде дымки... мерцает. Хотел выше... Не смог.

– Мо-о-оре, – от изумления у Шарика перехватило дыхание.

– С одним берегом или двумя? – подавшись вперёд, выпалил поросёнок.

– С одним... Кажется, через горы переливается...

– Не может быть! – екнуло у поросёнка сердце.

– В жизни всё возможно, – таинственно прошептал Шарик, и этот шёпот нагнал ещё большего страха.

– Если оно выше, значит, нас затопит, – сказал поросёнок.

– С какой стати?

– Когда вода в корыте выше краев, она всегда переливается. Так и море. Оно прольётся и нас затопит. Мы по сравнению с ним – букашки.

Наступило молчание. И чем дольше молчали, тем сильнее росло напряжение. Поросёнок закрутил головой, ища укрытия и, увидев бурьян, взвизгнул и бросился туда. Попугай подскочил, словно напружиненный. Усталость улетучилась, и он, резво взмахнув крыльями, устремился на клён. Только Шарик стоял в оцепенении. Он хотел бежать, но лапы не повиновались.

– Спасайся! Спасайся! – закричал с вершины дерева попугай.

– Не... Не... Не мо-гу... – с трудом выдавил Шарик.

– Утонешь!

– Если вода выше гор, а горы выше нас, мы все утонем, – наконец овладел он языком.

– Я не хочу тонуть, – донёсся из бурьяна плаксивый голос.

– Вода тебя не спросит, Хрюнчик.

– А может, не затопит? Мы же на возвышенности, а вода наверх не поднимается. Она вниз стекает.

Шарик окончательно вышел из оцепенения. Повернувшись к попугаю, попросил:

– Ты, Кеш, выше нас сидишь. Глянь, что там с морем? Не хлынуло ли через горы?

– Нет ещё.

– Значит, преломилось.

– Как? – там, где прятался поросёнок, затрясся бурьян.

– Слышал я от Васи, – с важностью начал говорить Шарик, – что в воздухе происходит преломление света. Вот и видится нам всё иногда в искаженном виде.

– Тогда, может, и море не выше гор, – задумался попугай. – Может, оно тоже преломилось.

– А ты волны видел? – спросил Шарик.

– Видел.

– С этой или другой стороны?

– С другой.

– Тогда точно преломилось и к нам не потечёт. Я наблюдал: если белье на верёвке неравномерно преломляется на две части, то большая часть утягивает за собой меньшую. А край всегда меньше самого моря. Поэтому море не позволит,

чтобы край нас затопил. Оно с гор его назад стянет, – Шарик закрутил головой по сторонам. – А где наш Хрюнчик?

СПРЯМЛЕНИЕ ГОР

– Я... Я... – послышался голос, и из бурьяна высунулось рыло с пяточком. – Я искал, на чём можно море переплыть. Плот, одним словом, искал.

– Мы думали, ты струхнул.

– Вы что? Разве я похож на труса?

Обвинить напрямую друга в трусости не совсем удобно, поэтому Шарик, отведя глаза, сказал:

– Нет, не похож, хотя смахиваешь.

– Лучше смахивать, чем перемахивать. Кеша, видать, сильней струхнул, коль на вершину дерева маханул.

– А кто бы вам указывал, куда бежать? Я только ради вас сюда взлетел. С высоты видней.

– Надо бы в бинокль посмотреть, – задумавшись, произнёс Шарик.

– Что это за штукавина? – заинтересовался поросёнок.

– Это вещь такая, в которую смотришь... – здесь Шарик загадочно замолчал, напуская таинственности.

– Ну, и?.. – сгорая от любопытства, развесил поросёнок уши.

– Смотришь и видишь, что за теми горами творится, – и Шарик указал лапой на сопки.

– Как можно видеть за тем, что перед тобой возвышается?

– Когда в бинокль смотришь, всё что перед тобой – спрямляется.

– Как?

– Если смотреть просто глазами – видишь только прямо. А если в бинокль – взгляд преломляется и через горы направляется. Кажется, что горы исчезают.

– Ты сам-то смотрел?

– Вася видел.

– Ха! Вася. – Растянул в усмешке рот поросёнок. – Вот если бы ты сам видел, тогда бы мы поверили. Правда, Кеш?

Попугай ничего не ответил. Он большей частью молчал, так как его познания о Мире были скуднее, чем у друзей. Он же всего один день на свободе, не как его друзья.

– Не веришь? Тогда сам посмотри, – сказал Шарик и устремился к крыльцу.

Вскоре вернулся, волоча за ремешок бинокль.

– Ты где это взял? – начал озира́ться поросёнок.

– Вася-раскидаша забыл прибрать, – объяснил Шарик. – Теперь он и нам пригодится. Сам знаешь: что вовремя не приберёшь, пропадет. Поэтому лучше нам прибрать, чем другим. Когда потребуется, вернём. А теперь смотри, Хрюнчик. Я тебе, как Фоме неверующему, уступаю очередь.

Поросёнок подошёл и заглянул в бинокль с обратной стороны.

– Ой! – заморожено воскликнул он. – И правда спрямляет. Горы были большими, теперь стали маленькими!

– А ну-ка дай мне! – засуетился Шарик.

– И я хочу, – спустился с дерева попугай.

Посмотрели, задумались.

– Вот, оказывается, как можно спрямлять преграды, – первым заговорил Шарик с видом знатока. – А теперь посмотрим с другой стороны бинокля.

И Шарик первым припал к окуляру. Поросёнок, стораю от любопытства, попытался заглянуть с обратной стороны. Ему хотелось узнать, что видит Шарик.

– Огромная дыра на розовой равнине! – оторвавшись от наблюдения, изумлённо сказал Шарик.

– А ну-ка я... – оттеснил его поросёнок.

Попугай в ожидании своей очередности в нетерпении топтался перед биноклем.

– Коготь! Размером с дом! – отпрянув от бинокля, вытаращил глаза поросёнок.

– Шевелится и в землю впивается! Вроде, как нас собирается зацарапать.

– Дай, я... А то, может, ты что спутал, – заспешил попугай.

– Пусть только попробует коготь наброситься! Я ему так наброшусь! – оскалился Шарик.

– Он ещё клыкастый и зубастый! – отпрянул от окуляра попугай.

У пса шерсть встала дыбом. Он зарычал, пытаясь отпугнуть чудище, но рык от страха в сознании друзей удесятерился, и им показалось, что чудище стремительно движется на них. Дико крича, они бросились наутёк. Страх передался и Шарик. Он метнулся в бурьян и затаился. Когда сердце перестало учащённо биться, прислушался. Чудища не слышно. Осторожно выглянул из зарослей. По двору мирно прогуливались куры, в стороне паслись гуси. Шарик осторожно вышел на пригорок. Чудища нигде не было видно. Вскоре появились друзья.

– Где оно? – поинтересовался поросёнок.

– Видишь, горы после спрямления на место вернулись и преградили путь. Теперь страшилище не сможет напасть.

– А кто это был? – поинтересовался попугай.

– Змей Горыныч. Он в тридевятом царстве в тридесятом государстве за морем-океаном живёт. У него лапы когтистые, зубы зубастые и огнём он дышит. Хорошо что, когда я смотрел на него в бинокль, он пламенем не дышал, а то бы сразу нас в пепел превратил.

– Никогда не следует чужие вещи без спроса брать. Пусть бинокль валяется там, где бросили, – сказал Кеша и, схватив его за ремешок, утащил к крыльцу.

СОЛНЦЕ И СВЕТ

Вечером Вася вынес Шарик и поросёнку еду. Псу достался маленький кусок хлеба, а поросёнку полное корыто каши. Шарик моментально проглотил хлеб, не распробовав вкуса, и лишь потом вспомнил о попугае.

– Ну надо же было такому случиться, – начал сокрушаться он. – Хотел слюну сглотнуть и не заметил, как вместе с ней проглотил хлеб. Пойдём, Кеш, у Хрюнчика попросим. У него полное корыто. Одному не осилить.

– Пойдём, – согласился попугай.

Поросёнок, давясь, жадно поглощал содержимое корыта.

– Ты бы, Хрюнчик, поделился с Кешей, – предложил Шарик.

– А если я не наемся? – подняв рыло вверх, сквозь набитый рот прошамкал поросёнок.

– Он же друг! Сам погибай, а друга выручай!

– Разве я против, – и поросёнок с утроенной энергией приступил к ужину.

– Ты, Кеш, поспеши, пока что-то осталось, – подтолкнул друга Шарик.

Попугай запрыгнул на край посуды. И тут поросёнок, не отрываясь от еды, двинулся на него всем телом. Попугай спешно переместился на другой край. Поросёнок не отставал.

– Ты же его задавишь! – возмущённо закричал Шарик.

– А что я поделаю, если все свиньи так едят? Пусть подстраивается. Я не запрещаю, – сказал поросёнок, продолжая наступать на попугая.

Вскоре остались одни лишь крошки, втоптаные в землю. Поросёнок улегся под навесом и, прикрыв веки, начал сладко причмокивать ртом. Попугай попытался собирать остатки вокруг корыта, но клюв забился землёй.

– Наелся? – с волнением спросил Шарик.

– Да так... Чуть-чуть заморил червячка, – грустно ответил он.

– Тогда пойдём под навес, после сытного ужина следует полежать, – предложил Шарик, и они устроились рядом с поросёнком.

Вечерело. На землю легли длинные тени от построек. Полуденная жара спала, и туманная прохлада коснулась тел.

– Почему, когда солнце уходит, на дворе темнеет? – глядя на малиновый закат, поинтересовался Шарик.

– Солнце за собой свет утаскивает, – не раздумывая, ответил поросёнок.

– Как это?

– А так, как утаскивают покрывало или одеяло.

– Как можно утащить свет, если его не за что взять?

– Это тебе не за что, а солнце знает, за что брать.

– А разве ты видел у солнца лапы или зубы или что-то другое?

– Если не зубами, то ртом, – важно заявил поросёнок.

– Если у солнца рот имеется, почему мы его не видим? – спросил попугай.

– А ты пробовал смотреть на светило?

– Пробовал, но не смог. Глаза слезятся.

– Вот-вот. Слезятся оттого, что изо рта у него жар вырывается, как у Змея Горыныча.

– Как это? – изумился попугай.

Шарик вжал голову.

– А так. – Поросёнок не заметил изменения в поведении друзей. – Змей как дыхнет, так всё в пепел...

– А вдруг и солнце так? – заволновался попугай.

Волнение передалось на поросёнка, и он говорил уже не так уверенно, как прежде:

– Солнце не может так.

– Почему?

– Потому что оно доброе.

– Точно! – неожиданно воспрянул Шарик. – Я, когда замерзаю, выхожу и ложусь на солнышко.

– Как? – округлил глаза Кеша. – Ты бы сгорел!

– Это образно так выражаются, когда лежат под солнышком на земле, – пояснил поросёнок. – Я тоже греюсь, особенно, после принятия грязевых ванн.

– А-а... А я думал, что и вправду...

– Что ты, Кеша? – повеселел поросёнок.

– Одного не могу взять в толк, – задумчиво сказал попугай и замолчал. У поросёнка вдруг похолодели копыта. Ведь только что нашли хороший ответ, а этот пернатый опять решил всех запутать. Притих и пёс. Попугай продолжил: – Я согласен, что за собой можно утащить одеяло. Но как можно его впереди себя толкать? Оно же сомнется и под ноги попадёт, а стоит ногой наступить – упадёшь. Вдруг солнце утром оступится и прямо на нас...

Не зная, что ответить, поросёнок начал раздражаться. Неожиданно в его глазах сверкнула догадка и, не скрывая радости, он выпалил:

– У солнца нет ног, поэтому оно не может наступить на одеяльный свет.

– А если покатится, чем тормозить будет, когда ног нет? Тогда точно прямо на нас упадёт.

Поросёнок напряг мозги, но кроме пыхтения у него ничего не получалось. На выручку пришёл Шарик. Ему хотелось выглядеть самым умным:

– Утром солнце передом поднимается, и не толкает свет, а во рту несёт, как я мосол перед собой ношу.

– Я, когда увидел, как кость показалась из-за угла, испугался. Думал, мёртвые ожили. А потом смотрю: Шарик следом высунулся. Я так смеялся над собой, что живот надорвал, – засмеялся поросёнок.

– Да ну?! – неожиданно подпрыгнул к нему Кеша.

– Точно! – заверил тот.

– Тогда зачем всю еду съел, если живот дырявый? У тебя всё должно вывалиться, – попугай на всякий случай придвинулся ещё ближе и встал наизготовку, жадно сглатывая слюну.

– Это образно говорят, что живот надорвал.

– Да что это всё образно и образно? Когда по-настоящему будет? – разочаровался попугай.

– А мы и так по-настоящему образируем, – вступил в разговор Шарик. – Только непонятливые не понимают.

Попугаю не хотелось выглядеть глупым. И хотя он не понимал, как можно образировать, ибо такого слова он никогда не слышал, тем не менее, сдвинул брови и академичным голосом произнёс:

– Если образируете, то это меняет ход дела. Образирование я одобряю.

Друзья замолкли. Шарик думал о том, что благодаря друзьям знает, как солнце уносит свой свет. Но вот откуда появляются звезды, этого не знал, поэтому спросил:

– А откуда берутся звезды?

– Откуда-откуда? От верблюда! – начал сердиться поросёнок. Он сам не знал, откуда. И стал развивать идею: – Свет утаскивается только из-под неба, а за небом его никто не трогает. Вот и сочтется он сквозь дырки вниз.

– Какие дырки? – опять спросил Шарик.

– Дырки везде имеются, – глядя на крышу навеса, ответил поросёнок.

– Теперь мне понятно, откуда дождь берётся. Он сквозь дырявое небо каплями проливается, – сказал попугай.

– Во! Правильно мыслишь!

Шарик сделал умное выражение, поднял вверх ухо и, склонив голову, выдал:

– Я, конечно, сам догадывался, но не придавал этому значения. Хотел проверить ваш багаж знаний.

– Ну, и как?

– На троечку с плюсом, – сказал и засмеялся.

Весёлый настрой передался и друзьям. И всё сказанное они восприняли как самую настоящую правду.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

На следующий день, проснувшись, друзья лежали молча. Не хотелось говорить. Неожиданно Шарик спросил:

– Кеш, а когда у тебя день рождения: когда ты в яйце появился или когда вылупился?

– Наверное, когда вылупился.

– А кто в яйце был?

Попугай смутился:

– Я, должно быть.

– Значит, у тебя два дня рождения, – заключил Шарик. – Первый: когда яйцо появилось, второй: когда ты вылупился.

– Ну, если так...

Шарик глубоко вздохнул:

– Везёт тебе. В два раза счастливее нас. Тебе и подарков больше будут дарить. – Он задумался, а потом предложил: – Давайте с завтрашнего дня начнем праздновать дни рождения. У кого праздник, тот угощает.

– Мне не нужно, – угрюмо заявил поросёнок, – я не помню, когда родился.

– Как? – изумился Шарик.

– Нас двенадцать братьев и сестёр в ночь с одного дня на второй появилось, и все на одно рыло. Мама не успела запомнить. Поэтому я только условно знаю свой день рождения.

– Условно и один раз?! – вскочил Шарик. – Да ты же самый счастливый на свете! Тебе, Хрюнчик, двенадцать раз надо праздновать дни рождения!

– Ага, хитрый. По-твоему, я двенадцать раз должен угощать?

– Не нами придумано – не нам и отменять!
– На один раз я, может быть, и соглашусь, но на двенадцать... – отрицательно закачал головой поросёнок.
– Так и мы будем угощать, когда у нас будет день рождения!
– Нет, свое угощение оставьте себе.
– Эх, ты! А ещё другом называешься, – разобиделся Шарик.
Он-то в свой единственный день рождения угостил бы друзей от всей души. Не то, что это хрюкало. Двенадцать дней рождения, такая радость, а он жмотится.

ХВОСТАТЫЙ УМ

Видя, что Шарик от обиды надул губы, поросёнок решил сменить тему разговора.

– А почему у тебя, Кеш, хвост прямой? – спросил он. – У нас с Шариком загнутые, а у тебя нет. Даже у петуха дугой.

– Откуда мне знать?

– К тому же говорят, в хвосте мозги имеются.

– И чем сильнее мозг закручивается, тем ты умней, – посмотрел Шарик на свой хвост-калач, потом на хвост-крючок поросёнка.

Попугай обернулся и испуганно вытаращил глаза на хвост-палку. Ему вовсе не хотелось быть глупым, наоборот, хотелось быть самым умным.

– Что же мне делать? – огорчённо спросил он.

– Завить надо, – посоветовал Шарик.

– А как?

– Как Васина мама. Она каждое утро волосы на палочки наматывает, чтобы умней Васи быть. Не зря же он ей подчиняется?

– Я согласен! – обрадовался попугай.

И друзья взялись за дело. Нашли круглую палку, отыскали верёвку, и хвост у попугая взвился, распавшись на отдельные пёрышки наподобие веера. Как не гордиться таким хвостом. То был один ум, а теперь целый десяток. И не прямых, а изогнутых.

– Ну-ка, покажись во всей красе, – попросили друзья.

И попугай, гордо задрал голову, выпятил грудь и начал прогуливаться вдоль забора. Неожиданно кто-то прыгнул ему на спину и впился когтями. Попугай рванулся вперёд. Непрошенный гость не удержался и упал, вырвав перья. На выручку с лаем бросился Шарик, а поросёнок, струхнув, закопался головой в солому. Попугай, подпрыгнув, взмахнул крыльями. Раньше он именно так и делал, когда взлетал, но в этот раз закувыркался под бугор, поднимая клубы пыли. Он не видел, как Шарик вступил с противником в схватку. Только услышал душераздирающий кошачий визг. Когда всё стихло, поросёнок выглянул из соломы.

– Ну, что там? – шёпотом спросил он.

Попугая трясло. Он ничего не мог ответить и клацал клювом. Шарик вернулся возбуждённый и начал хвастаться:

– Ну, я ему задал! Чуть с облезлым хвостом не оставил...

– Ты лучше мне хвост развяжи, пока я без головы не остался, – прорезался у попугая голос.

– Разве ты не хочешь быть похожим на нас? – стряхнув с головы остатки соломы, удивлённо спросил поросёнок.

– Хвост должен быть у каждого свой.

– А как же ум? – выпучил глаза поросёнок.

– Если голова без ума – не займёшь его у хвоста, – ответил попугай.

Шарик дернул за конец веревки, узел развязался, и Кешин хвост принял прежнюю форму.

Попугай облегчённо вздохнул:

– Бывает, и от ума погибают. Так что лучше быть таким, какой есть. – Потом спросил у Шарика: – Кто это был?

– Повезло тебе. Из-под кошачьих когтей Дымка ты ушёл. Видать, всё же загнутый хвост помог.

– Теперь у него три дня рождения, – радостно хрюкнул поросёнок.

Шарик пренебрежительно глянул в ответ:

– Чья бы мычала, а твоя бы молчала, трус несчастный.

– А я тут при чём? – насупил поросёнок. – Свиньи всегда в минуты страха в землю глазами упираются. Не как вы, собаки, на других бросаетесь. А птицы вот вверх взмывают. Их же никто не обвиняет. Поэтому я не виноват. Я и без того натерпелся.

– Ладно уж. Что было, то прошло, – примирительно произнёс Шарик.

КУПАНИЕ В ГРЯЗИ

Завтрак сегодня запоздал, но прошёл по тому же сценарию, что и ужин, и Кеша остался голодным.

– Не искупаться ли нам? – наевшись, весело спросил поросёнок. – Вон и лужа высохла. Грязь в самый раз подходящей стала.

– Мы, собаки, в грязи не купаемся.

– А ты пробовал хоть раз?

– Нет, и не хочу.

– Какой же ты друг, – с осуждением качнул головой поросёнок, – если не хочешь испытать удовольствие вместе со мной? Да после того как измажемся, и грязь засохнет, знаешь, как приятно её счёсывать?! При этом всякая зараза сама отваливается. – У Шарика вдруг зачесалось всё тело, и он, присев, начал усиленно драть задней лапой живот. Заметив это, поросёнок продолжил: – Вот видишь – и тебя кусают. Попробуй, искупайся. Почувствуешь себя заново рождённым и тысячу раз благодарить будешь.

– А я-то думаю: чего это люди хвалятся, что в грязных ваннах купаются? Оказывается – они от паразитов избавляются, – сказал Шарик и направился к луже.

Поросёнок обогнал его и с разгона плюхнулся в грязь, та брызгами полетела по сторонам. В воздухе повис тошнотворный запах. Шарик приостановился.

– Не стой! Давай, как я! Пока не попробуешь – не поймёшь! – с блаженством ободрил его поросёнок.

Пёс, приблизившись к луже, затаил дыхание. Он знал, что люди в лечебных целях принимают ванны и весьма успешно. Поэтому, пересиливая отвращение, зашёл и медленно опустился на живот. Почувствовалась приятная теплота. К тому же было очень мягко, как на пуховой перине. Неприятный запах исчез, а может, он принялся. И Шарик, по примеру поросёнка, стал перекатываться с боку на бок. Грязь чавкала под ним, и казалось, что она делает это от счастья. Удовольствие с каждым мгновением росло, и вот пёс уже во всю барахтается, раскидывая грязь налево и направо.

– Ух, как прекрасно! Ух! – вскрикивает он. – А ты чего стоишь? – обратил внимание на нерешительность попугая. – Присоединяйся к нам!

– Мы, птицы, только в пыли купаемся.

– А мы, собаки, в воде! Ты попробуй! Я сам не думал, что так прекрасно! – извиваясь, верещал Шарик.

– Я боюсь, вдруг это плохо?

– Чего бояться? Ты вначале испытай!

Попугай колебался, но, видя счастливых друзей, не удержался и направился к ним.

Грязь действительно оказалась приятной. И попугай, хлопая крыльями, закружил по поверхности, вопя:

– Не так страшен чёрт, как его малюют!

Вскоре друзья стали чёрными, только головы оставались чистыми.

Досыта накупавшись, они вылезли и улеглись на траве. Поросёнок вытянулся на боку. Шарик опрокинулся на спину, выставив вверх полусогнутые лапы. Попугай, распластавшись на животе, раскинул крылья, будто хотел охватить всю землю.

Солнце припекало, грязь стала засыхать. Поросёнок задремал, посапывая носом. Шарика тоже клонило в сон, но неожиданно появилось чувство тревоги, которое постепенно усиливалось. Он закрутил головой. Ничего необычного не обнаружилось, разве что сонный попугай изредка подёргивал ногами.

– Что это ты, Кеш, ногами скребёшь? Не зерна ли вкусные перебираешь? – заулыбался Шарик.

– Тело вроде как тянет, – обеспокоено ответил тот.

И только сейчас пёс обратил внимание на себя. Ему показалось, что кто-то пытается тянуть за шерсть. А кто – не мог понять. Но когда с него живого, как показалось, начали сдирать кожу, он, заскулив, вскочил и закружил на месте. Кеша тоже попытался вскочить, но у него ничего не получалось, кроме скрежета каменными крыльями о землю. Шарик понял, что грязь сковала его красивую шерсть, как и перья у попугая.

– Бежим! – первое, что пришло на ум, крикнул он и побежал.

Кеша, волоча крылья, пополз следом. Услышав шум, проснулся поросёнок. Подняв голову, он закричал:

– Вы куда?!

– Удовольствие ловить! – сквозь сжатые зубы прорычал Шарик.

– Боюсь, без перьев останусь, – стонал позади попугай.

Видя, что друзьям плохо, поросёнок вскочил и крикнул:

– К забору! Пора чесаться!

Шарик с попугаем метнулись к забору. Но стоило им прикоснуться к доскам, как они взвыли от дикой боли. На заборе повисли клочья грязной шерсти и вырванные с корнем перья.

– Давай по-нашему! В пыль! – метнулся к дороге попугай, Шарик следом за ним.

Но и это не помогло. Пыль забила в глаза и рот. Они начали задыхаться и чихать.

– Бежим в воду! – выкрикнул Шарик и с прищуренными глазами бросился к реке.

Кеша вприпрыжку пустился следом, волоча за собой крылья. Поросёнку ничего не оставалось, как трусцой отправиться за ними.

Скатившись с берега, Шарик упал в воду и, высунув голову, замер. “Хорошо хоть голову не измазал”, – подумал он. По поверхности потянулся мутный шлейф. Почувствовалось облегчение. А вот и попугай кувыркнулся с берега и поплыл. Но как-то странно: то появится над водой, то исчезнет. Вот вынырнул, клюв открыл и опять исчез. “Тонет”, – определил пес и бросился на выручку. Нырнув, поймал его зубами за хвост и резким движением головы выкинул на песок. В это время на берегу появился поросёнок.

– Ну, и как водные процедуры? – не подозревая о происшедшем, поинтересовался он.

– Не то что ваши, свинячьи. Из-за тебя наш друг чуть не утонул.

– Я-то тут причём? Я вас не заставлял, только предложил. Вы же испытали наслаждение? Испытали.

– Ну, спасибо, друг. Тысячу раз благодарить будем, – ехидно усмехнулся Шарик.

Попугай очнулся и открыл глаза.

– Где я? – слабо простонал он.

– На берегу, – сказал Шарик.

– А я думал, что закончилась моя жизнь после свинячьего удовольствия. Как мне больно было.

– Не всё хорошо, что приятно. Надо думать о последствиях. Лежи спокойно, я отмою твои перья, – сказал Шарик и поспешил за водой.

Вскоре у попугая перья приобрели прежний вид. Отмылся и Шарик. Только поросёнок не лез в реку, а счесывал грязь о деревья, похрюкивая от удовольствия.

КОТ

Вернувшись, начали сушиться: Шарик, вытянувшись на траве и попеременно подставляя под солнечные лучи бока, попугай, распластавшись на животе и раскинув в стороны крылья. Поросёнок, обиженно надув щёки, улегся под навесом.

– Мяу, – слышалось сверху и Шарик, приподняв голову, увидел Дымка, гуляющего по крыше навеса, – Что это с вами? – щури глаза, спросил кот.

– Купались, – нехотя ответил Шарик.

– Вижу, как попугай крылья протянул. С такими друзьями, как вы, не только крылья, но и ноги протянешь.

– Р-р-разве ты что понимаешь? Он, наоборот, по-новому родился. В четвёртый раз.

– Да сколько можно рождаться? Один у меня день рождения, один! – завопил попугай.

– Сколько раз от смерти спасаешься, столько и рождаешься, – нравоучительно посмотрел Шарик на попугая.

– Я с голоду умираю, а ещё вас угощать!

– Ты думаешь, я сыт? Про меня сегодня Вася совсем забыл и ничего не дал. Я так хвостом вилял, так вилял, а он меня палкой по спине.

– Мр-р-р. Кто пресмыкается, тот палкой питается. Я никогда не пресмыкаюсь и ем, что хочу.

– Как? – приподнялся Шарик и уставился на кота.

– Если есть захочу, противно ору. Вася уши затыкает и все мои желания выполняет.

– А я на визг перехожу, – донеслось из-под навеса.

– Я пытался лаять, но он меня так отдубасил, бока по сей день болят. При этом заявил: хоть раз ещё твякну, добавки получу. Вот и приходится мне к нему подползать и хвостом вилять.

Кот потянулся, изогнув спину:

– Лучше быть голодом побитым, чем сытым и морально прибитым. Вася со мной попытался так, я его на три дня покинул. Он вокруг дома бегал, меня искал и слёзно вернуться умолял.

– Неужели ты ушёл?

– Зачем далеко уходить? Вдруг что-нибудь понадобится? Поэтому я под смородиной лежал и за ним наблюдал.

– Чем же ты питался?

– Деликатесы вкушал.

– А кто тебе их давал?

– Зачем от кого-то ждать милости? Надо уметь самому доставать. Вот я где мышку достану, где птичку.

– Так ты и меня хотел достать? – испугался попугай.

– Неужели ты думаешь, я не отличаю домашнюю птицу от дичи? Я охотник. А настоящие охотники ходят только на дичь, – распушив трубой хвост, хвастливо заявил кот.

После этого он вперевалочку подошёл к краю крыши, спрыгнул на землю и неторопливо скрылся в саду.

ИСПОРЧЕННЫЙ НЮХ

Друзья лежали молча, каждый думал о своём. Первым заговорил поросёнок:

– Почему вода в реке течёт?

– Как это почему? – удивленно вскинул брови Шарик. – На то и река, чтобы вода в ней текла.

– Но вода, например, течёт тогда, когда посуду опрокинешь или разобьёшь. А реку кто опрокидывал? И вообще, куда она течёт?

– В море.

– Но оно выше реки. Мы же сами видели, – уверенно заявил поросёнок, хотя не видел моря. Не видел и Шарик. Но достаточно того, чтобы кто-то хоть раз увидел в присутствии других, тогда эти другие будут верить так, как будто видели собственными глазами.

– Тогда... тогда... – зачесал Шарик лапой за ухом. На ум ничего не шло, и он, обернувшись к попугаю, спросил: – А что ты думаешь, Кеш?

– Я думаю, что река живая, – выпятив грудь, уверенно заявил попугай. Чем он хуже этого калачехвостого? Не только он кой чему научился у Васи.

– Точно! Я первый раз тоже так подумал! – вскочил и радостно завилял хвостом Шарик.

– А все живые существа без ног, – продолжил развивать идею Кеша, – должны шевелиться и ползти. Вот и шевелится река и ползёт, извиваясь как змея.

– Не может быть она живой! – начал возмущаться поросёнок. – Я в это не верю!

– Живая или нет, – вдруг Шарик упустило озарение, – но если она не будет течь, вода в ней испортится! А если испортится, то мы отравимся! А чтобы такого не произошло, она должна течь! И не важно куда!

– С какой стати отравимся? Я наоборот люблю прокисшую воду, и не разу не отравился.

– На то ты и свинья, чтоб все подряд жрать и не умирать.

– Обижаешь, – надул щеки поросёнок. – Я не все подряд собираю, а самое вкусное. И если у вас плохо развит вкус, то в этом вините только себя.

– Ха! Ха-ха! Надо же, у него вкус развит, – упав на спину, схватился за живот Шарик.

– Да! – настаивал поросёнок. – У меня утонченный вкус!

– Да какой утонченный? – Шарик вскочил и ядовито уставился на него. – Когда ты что-то откопаешь и жрёшь, я нос затыкаю!

– Значит, у тебя нюх испорчен. Мне жаль тебя, друг, – сочувственно чавкнул поросёнок.

Шарик опешил. А вдруг действительно у него нюх испорчен? Вдруг он калека?

– Как проверить, испорчен у меня нюх или нет? – обернулся он к попугаю.

Кеша чувствовал, что должен что-то ответить, поэтому посоветовал:

– Давайте по порядку нюхать вещи и сравнивать. Если нюх только у двоих сходится, то у третьего испорчен.

– Согласен, – сказал поросёнок.

И они бросились нюхать всё, что попадалось на пути, и сколько бы ни нюхали, получалось, что каждый ощущал запах по-разному. Устав от этого эксперимента сели в круг.

– Что же это получается? – печально посмотрел на друзей поросёнок. – У нас у всех нюх испорчен.

– Похоже на то, – подавленно прохрипел попугай.

Но тут Шарик подал надежду:

– Я видел на крыльце красный перец. Вася, когда пельмени ел, его забыл. От перца я всегда чихаю. Если и вы будете чихать, значит у вас нюх нормальный.

– Давай, – согласился поросёнок.

Шарик поспешил на крыльцо и вскоре вернулся с пакетом в зубах. Положив его на землю, сказал:

– Начнем с Хрюнчика. Нюхай, друг.

Поросёнок, нюхнув, начал чхать налево и направо, даже чуть было не забрызгал попугая, не успей тот вовремя отскочить.

– Тот же эффект, что и со мной, – когда поросёнок прочихался, сделал заключение Шарик. – Теперь твоя очередь, Кеш.

Попугай вперевалочку подошёл к пакету и, желая чихать похлестче чем Хрюнчик, чтобы доказать свой нюх, резко вдохнул и... С открытым клювом перевернулся вверх ногами и закатил глаза. Другьям показалось, что он умер.

– Искусственное дыхание! – заорал Шарик и бросился на вырубку.

Поросёнок тупо застыл на месте.

– Что стоишь? – оглянулся Шарик. – Рот в рот надо!

– Так он весь уместится в мою пасть. Вдруг я нечаянно вдохну и проглочу его целиком?

– Ты не в себя вдыхай, а из себя!

– Я так не умею. Что мне в рот попадает, назад не возвращается. Это у нас, свиной, родовое.

– Тьфу на тебя! – твякнул Шарик и, присев, начал дуть на попугая.

Вскоре у того дрогнуло веко, затем второе, и он открыл глаза. По щекам потекли слёзы.

– Фу, – облегченно вздохнул Шарик. – Мы думали: ты умер.

– Кажется, жив, – пошевелил попугай пальцами поднятых вверх ног.

– Ну и?.. – уставился поросёнок на него.

– Дыхание перехватило, поэтому не разнюхал.

– Тогда надо повторить.

Попугай испуганно уставился на Хрюнчика и заелозил на спине, будто пытался уползти подальше.

– Ты, Кеш, – заулыбался Шарик, – в пятый раз родился.

– А не много ли ему дней рождений, – возмущившись, переключился на пса поросёнок. – У меня двенадцать неопределенностей и все в один день, а ему уже пять раз и каждый день! Что же получается, я должен каждый день подарки дарить?

– А ты как хотел?

– Я так разорюсь. Поэтому не согласен.

– Так мы ему подарки, а он нам угощения. Наедемся до отвала.

– От его угощения, только в животе кружение.

– Не дорог обед, а дорог привет.

– Тогда ответь мне, что ты дарить ему будешь? – уставился поросёнок на Шарика.

– Что и ты. Подарок будет от тебя, как и от меня, потому что я к тебе с поздравлением присоединяюсь.

– А разве можно так?

– Не только можно, но и нужно, потому что если я присоединился, то отсоединяться уже нельзя.

– Это конечно. Но как же так получается, я должен тратиться, а ты нет?

– А кто сказал, что я не трачусь? Я, Хрюнчикк, переживаю больше твоего. Вдруг ты не такой, какой следует, подарок подаришь. Вдруг он не понравится Кеше. Тогда мне сильней тебя придётся краснеть. Присоединился же не ты, а я.

– Если краснеть, то конечно, – задумчиво хрюкнул поросёнок. Неожиданно глаза его засветились радостью. – А давай я за тебя краснеть буду! Твою красноту всё равно из-под длинной шерсти не видно, а у меня всё наружу!

– Скромным надо быть, Хрюнчик, и никому не показывать свою красноту, иначе в смущение введёшь. Поэтому я не могу такую ответственность переложить на тебя. Ты лучше подарки дари, а я краснеть буду и за тебя, и за себя. Каждый должен выполнять то, что лучше всего получается и не бросается в глаза другим.

– Согласен, – не смог противостоять поросёнок стройной логике друга.

– Да-а-а, тяжёлую ответственность возложил я на себя, аж пот прошиб, – высунул от жары язык Шарик.

Поросёнок хотел возразить, но его опередил попугай:

– Иногда кажется, лучше отдать всё, что имеешь, чем сгорать от стыда.

Поросёнок промолчал. Постеснялся. Он знал, что его красноту сквозь редкую щетину сразу заметно. Да и зачем возмущаться, если подарков ещё никто не дарил, потому что дни рождения у попугая только устанавливаются. А когда устаноятся, тогда и..., впрочем, что загадывать, когда не знаешь, что будет завтра.

ОБРАЗНАЯ ЕДА

Вернувшись под навес, легли. У Шарика неожиданно заурчало в животе, и он спросил:

– Если бы у тебя, Хрюнчик, было много еды, что бы ты делал?

– Ел бы.

– Ну, а если было бы очень много?

– Много бы ел.

– А если бы было много-премного?

– Нам, свиньям, никогда не бывает много. Нам всегда не хватает.

– А ты представь: была бы целая гора, в сто раз больше тебя.

– И гору бы съел.

– Так ты же лопнешь!

– Тогда ногами бы всё затоптал, чтобы другим не досталось.

– А если бы завтра есть захотелось, а еды нет?

– Тогда, что затоптал, выковырял бы и наелся.

Видя, что поросёнок непробиваем, как кожа у слона, Шарик переключился на попугая:

– А если бы у тебя, Кеш, было много еды?

– Я бы выбрал только самое вкусное.

– Ну а если бы она вся была вкусная-превкусная, что на слюнки можно изойти?

– Такого не бывает.

– Хорошо. Сегодня бы ты выбрал, а завтра бы что делал?

– Выбрал бы самое вкусное, – повторил попугай.

– Так ты же всё вкусное выбрал вчера.

– Вкус никогда не бывает одинаковым. Сегодня он один, а завтра другой.

– Ну а представь: ты выбрал самое вкусное, и осталось самое невкусное. А ты голоден. Что бы делал?

– Голод вкусное не выбирает, он есть заставляет. Поэтому съел бы всё, что осталось.

А Шарик мечтательно признался:

– А я бы принял за самое невкусное и с каждым днем переходил бы на более вкусное. Тогда каждый день был бы слаще предыдущего. Ел бы и жизни радовался, а не морщился как вы.

– Я тоже, когда закопанный тобой завтрак нахожу, ем и радуюсь, как ты, – невзначай признался поросёнок.

– Если ты мне друг, не делай больше этого, – с укоризной глянул на него Шарик.

Поросёнок, поняв свой промах, заёрзал:

– Откуда мне знать, где ковырять, а где нет? Ты же не предупреждаешь. Поэтому у меня нечаянно получается.

– За нечаянно бьют отчаянно, – изрёк попугай.

– Ты, Кеш, не бросай слов на ветер, – нервно дернулся поросёнок.

– Почему это?

– Потому что твои слова очень больно ранят.

– Прости, друг. Я не подумал, что ветер на тебя дует.

– Ты, Кеш, не понимаешь, что это так образно образуют? – заулыбался Шарик.

– Нет, не понимаю. Я знаю, что образы можно рисовать, а не говорить ими.

– Чтобы понимать, надо воображение развивать.

– А не лучше было бы простые слова использовать?

– Да ты что?! – удивлённо воскликнул Шарик. – Чем замысловатее говоришь, тем умнее выглядишь. Пусть даже говоришь не то, что надо.

– Откуда ты знаешь?

– Я не зря рядом с Васей сижу, когда он умные книжки читает. Чтоб понять образное мышление возьмём, к примеру, еду. Пусть она невкусная, но я бы всю её съел.

– Как? – развесил уши поросёнок.

Попугай тоже придвинулся ближе и уставился на Шарика.

- Я бы вообразил, что она вкусная и слопал бы за милую душу.
- А разве можно съесть то, чем питается душа? Я, например, ни разу не видел, что она ест, – удивился поросёнок.
- Это образно говорят: “За милую душу”, когда едят что-то с большим удовольствием, – разъяснил Шарик.
- Поросёнок чавкнул и пренебрежительно бросил:
- Мне ещё образами не хватает голову забивать. Лучше всё подряд съедать, а потом на сытый желудок мечтать.
- Сытым, конечно, лучше, – согласился пёс. – Но на голодный желудок быстрее соображаешь.
- Вот почему оказывается тебя, Шарик, держат впроголодь: чтобы ты не мечтал, а двор, соображая, охранял, – фыркнул от смеха поросёнок.
- Когда ты, Хрюнчик, сыт, чего тебе хочется?
- Спать.
- А если я усну?
- Да ты что? – посерьёзnel поросёнок. – Тогда всё растащат!
- Вот потому нас и стараются держать голодными, чтобы мы не спали, а работали и не паразитировали, как ты, – сказал Шарик и отвернулся.
- Псу больше не хотелось говорить. Замолчали и его друзья. Они о чём-то задумались.

ПАРАЗИТ

- Неожиданно Шарика укусила блоха за левую ногу и он, изогнувшись, воткнулся носом в место укуса и начал быстро-быстро щёлкать зубами. Когда зуд утих, он с негодованием сказал:
- Опять этот прыгучий гад на меня вскочил. Мало того, что бесплатно катается, так он ещё кусается.
  - Меня тоже иногда кусают, – признался попугай.
  - Тебе хорошо. Ты расправишь крылья, тряхнёшь перьями, и все кусачие и ползучие сами падают на землю.
  - Если бы падали. Они за перья цепляются и держатся. Приходится в пыли валяться, потом в воде ополаскиваться.
  - И помогает? – поинтересовался Шарик.
  - Конечно.
  - Теперь понятно, зачем люди за границу ездят. Чтобы в песке валяться и в море поласкаться.
  - Зачем им туда ехать, когда на речке песок есть? – хрюкнул поросёнок.
  - Какой ты непонятливый, Хрюнчик! Да кто же паразитов оставляет там, где живёт? Вот ты, когда в грязи измажешься, что делаешь?
  - К соседям хожу и там о забор чешусь.
  - А почему не дома?
  - Да кто же дома сорит?

– Правильно! Вот поэтому люди на юг ездят. Они подальше от дома сорят. А мы живём в грязи, и блохи нас кусают. А нам бы всем скопом за границу податься и там их оставить.

– А где её найти?

– Я же говорил: за морем.

– А море?..

– Мы же теперь знаем, где оно. Вон за теми горами. Надо туда вначале самим сходить, разведать и других соблазнить.

– Зачем других? Лучше если нам одним всё достанется. Мы, свиньи, не любим делиться.

– Какой ты, Хрюнчик, недогадливый. Мы двойную пользу из этого извлечём.

– Да ну?

– Палки гну! Во-первых, чтобы твой сосед к тебе не ходил и своих вшей не подкидывал. Во-вторых, мы за право чесаться у моря плату будем брать. Причём – самым вкусным.

– Если вкусным, тогда я согласен. Но, а вдруг они не захотят платить?

– Да ты что? Стоит одному побывать, другие толпой рванут. Даже если это им не надо. Зависть – великое дело! Зависть – двигатель прогресса!

– Это верно. Я не раз замечал, как за мной, минимум, пара глаз наблюдает. Стоит корешок выковырнуть, как орава свиней вмиг слетается, чтобы отобрать.

– А для защиты и сбора платы мы самых рьяных собак наймём. За право вкусно поесть они не только лаять будут, прикажи – покусают.

– Так что же мы лежим? Двигаться надо! – вскочил попугай. У него в животе от голода щемило, поэтому он готов был пуститься в путь прямо сейчас.

– Что-то сегодня не хочется, – лениво зевнул поросёнок.

Да и Шарик, хотя и любил подкидывать идеи, но не любил их осуществлять. Его тоже мучила лень. К тому же – вложи силы, а вдруг напрасно? Вася хоть и не досыта кормит, зато наверняка. А тут неопределенность, которая всегда страшит. Поэтому он сказал:

– Ты бы, Кеш, слетал и определил бы путь.

– А что его определять, когда за граница за той горой?

– Ты летаешь прямо, а нам по земле придётся бежать и огибать всякие преграды. Вдруг заблудимся. А ты сверху изучи путь и потом нам будешь его подсказывать. Сверху-то видней.

– Хорошо, – сказал попугай и взмахнул крыльями. Ему очень хотелось быть сытым и богатым.

Друзья молча наблюдали за Кешиным полетом. Вскоре тот превратился в маленькую чёрную точку, которая незаметно растаяла на горизонте. Шарик с поросёнком устали ждать возвращения друга и не заметили, как уснули. Проснулись, когда Кеша громко кричал.

– Что случилось? – испуганно вскочил Шарик.

Поросёнок тоже не оклемался спросонья и закрутил головой, ища укрытие. И вдруг увидел попугая.

– Ты-ы-ы? – отвисла у него челюсть.

– Больше так не пугай, – сказал Шарик. – Хрюнчика вон инфаркт чуть не хватил. Ну, рассказывай, как там за границей?

– Нет её, – удручённо ответил Кеша.

– Как это нет? – не поверил Шарик. – А куда же люди ездят?

– Не знаю.

– А море?.. – перейдя на шёпот, спросил поросёнок.

– И его нет.

Шарик почесал за ухом:

– Такого быть не может. Мы же вчера видели его. – И задумался. Сам же слышал от Васи про море и границу. Поэтому так просто он сдать не мог. – Может, ты заблудился?

– Не блудил я вовсе.

– Все блудят, – настаивал Шарик, – и ты не исключение. На земле, много примет, и то блудят. А на небе без ориентировки подавно. Оно же сплошь синее.

– Как я мог заблудиться, если всё время летел прямо?

– Не летел, а кружил.

– Да не кружил я вовсе! – рассердился попугай.

– Как же так получается? Улетел вперёд, а прилетел сзади.

– Да, как? – недоверчиво чавкнул поросёнок.

– Эх ты... Решил нас обмануть, – сокрушался Шарик. – Не по-дружески поступаешь.

– Я не обманываю, – затараторил попугай. – Я всю округу облетел! Нет нигде границы! Кругом одна трава, колючки и деревья вдоль речки.

– Если ты не обманываешь, значит, специально не долетел.

Попугаю не хотелось, чтобы его называли обманщиком и обвиняли в умышленном недолёте. Поэтому он сказал:

– Похоже, я действительно заблудился.

– Как можно заблудиться, если блудить негде, – вошёл во вкус обвинителя поросёнок. – Небо-то без преград...

– А так, – неожиданно вступился Шарик, – у правши сильнее развита правая сторона, поэтому он делает больший шаг правой ногой, а левой меньше. А у тебя, Кеш, какое крыло более развито?

– Правое, потому что я всегда им указываю.

– Всё сходится. Ты замах правым крылом делал больше, чем левым, поэтому приземлился с правой стороны. Значит, заблудился.

– Ну, если с правой – это меняет ход дела, – согласился поросёнок.

А стоит согласиться, сразу находятся доводы, причём такие веские, что начинаешь верить в то, во что не поверил бы никогда.

– Расскажи, какая земля сверху? – сгорал от любопытства Шарик.

– Круглая, как тазик, – не моргнув, ответил попугай.

– Врёшь? – уставился на него поросёнок.

– Не перебивай, пусть рассказывает.

– А что рассказывать? Летишь, смотришь: с одной стороны круг уменьшается, с другой – появляется. И еще на этом кругу лес щетиной и трава шерстью торчит.

– Щетина и шерсть только на живых существах могут расти, – съязвил поросёнок.

– А земля, если сверху смотреть, тоже живая, – сказал попугай. – Ты её носом ковыряешь? Ковыряешь. Значит, ты, Хрюнчик, паразит.

– Почему это я, а не вы?

– Потому что мы не ковыряем землю и не кусаем, а ты это делаешь с утра до вечера. Вот возьмёт она тебя своей лапой – бац, и скинет на небо.

– А там солнце. И поджаришься ты, Хрюнчик, – добавил страху Шарик.

– Так что же мне делать? Все свиньи землю ковыряют. Для этого у нас и пяточок растёт.

– Избавляться надо от вредных привычек и от пяточка тоже.

– Как?

– Пластическую операцию делать надо.

– На кого же я стану похож? Не свинья, и не собака, и крыльев нет.

– Знаешь что, Хрюнчик? Ты о себе можешь не думать. Но, – повысил голос Шарик, – почему мы должны из-за тебя страдать? Ты носом землю ранишь? Ранишь. А она на нас подумает. Так что, давай, делайся без пяточковым!

– Да как же я без него? Я ж на колбасу стану похож.

– Лучше быть колбасой, но живой!

– Нет уж. Лучше быть самим собой, чем сделаться колбасой.

– А о нас ты подумал? – начали наступать друзья.

– Я землю буду лишь слегка ковырять. Не до боли.

– Ну, если слегка – это меняет дело, – успокоились друзья.

КОНЕЦ ДРУЖБЕ

На третий день попугай совсем отошал, поскольку поросёнок съедал всё, а Шарик, ловил кинутый ему хлеб и не замечал, как проглатывал.

– Я скоро с голоду умру, – покачиваясь на ногах, мрачно заявил попугай.

– Кто ж тебе есть не дает? Или ты ждёшь, чтобы я тебе в клюв накладывал? – ехидно спросил поросёнок. – Тогда сам голодным останусь.

– Ты не прав, Хрюнчик. Вначале надо друга накормить.

– А если этот друг всё съест вдруг? Что тогда?

– В него не войдёт.

– Откуда мне знать. У нас свиней, кто вперёд ухватил, в того всё и входит. Не то, что у вас, собак – кто сильнее, тот сытней.

– Мы делиться умеем. Вначале старший поест, а потом младшему оставит.

– А что же ты не оставил?

– Кусок маленький. Хочу во рту задержать, так он сам, не спросившись, в глотку проскальзывает.

– Других осуждаешь, а сам глотаешь.

– Ладно, не дуйся. Мы что-нибудь придумаем, – чувствуя свою неправоту, Шарик отвернулся и вдруг увидел, как петух в окружении своих подруг клюет

зерно. – Я придумал! – воскликнул он. – Подкрадись, Кеш, незаметно к курам и затешишь среди них.

– Я боюсь, – глянул на бойкого петуха попугай.

– Не бойся. Мы рядом будем. Если что – подстрахуем, – заверил поросёнок.

И попугай решился. Увидев заветные зерна, которые лежали в двух шагах, попугай начал расталкивать несущек. Куры недовольно закудахтали. Петух, вытянув шею, закрутил головой и, увидев небольшую птаху, которая самым наглým образом обижает его семью, ринулся на врага. Высоко подпрыгнув, он камнем рухнул попугаю на спину, нанеся удар острыми как шило шпорами. Попугай взревел. Поросёнок, вжав голову, метнулся в бурьян. Шарик оцепенел. Он не мог поверить, что этот петух, которого он защищал каждый день, теперь пытается сразить его друга. Пока пёс стоял, петух нанёс ещё один удар, которым опрокинул попугая на спину. Тот заревел ещё громче, мотая ногами, словно крутил ими педали велосипеда. Ещё один удар – и всё будет кончено. Шарика словно сдуло ветром. В мгновение ока он подлетел и сшиб петуха грудью. Тот закувыркался как мячик, валя по пути кур. Беспорядочное кудахтанье наполнило двор. И тут послышался голос Васи:

– Ты что это, Шарик, творишь?! А ну, брось!

– Хрю, хрю. А я тут ни причем, – высунулся из бурьяна поросёнок. – Это всё Шарик затевал, а я в это просто корешки собирал.

– Кеша! – обрадовался мальчуган. – Вот кого ловить надо. А ну, Шарик, вперёд!

Надо выполнять команду и одновременно спасать друга. Поэтому пёс подскочил к попугаю и, толкнув его носом, прошептал:

– Удирай, а я понарошку ловить буду.

Попугай вскочил на ноги и бросился наутёк. С испугу он взлететь не догадался, поэтому начал кружить по двору. Шарик не отставал. Даже пару раз нагнал и чуть не схватил за хвост. Попугай поначалу верил, что Шарик притворяется. Но когда услышал клцанье зубов испугался не на шутку. И тут крылья сами взмахнули и подняли его на клён.

– Ах ты неуклюжий, – подскочил Вася к Шарикy. – Видно, я тебя закормил! Теперь буду держать голодным!

Пёс, понурившись, отошёл в сторону и лёг. А Вася пытался разглядеть усевшегося на клён попугая, но тот очень хорошо замаскировался среди листьев. Устав, мальчуган махнул рукой и ушёл в дом.

– Ну, что там? – высунул рыло из бурьяна поросёнок.

– Ничего, – зарычал Шарик. – Скажи лучше, где ты был?

– Как где? – невинно уставился на него поросёнок. – В бурьян ходил.

– Это бегом-то?

– Когда прихватит – не побежишь, без крыл полетишь.

– Трус несчастный.

– Ага, трус, – пытался оправдаться поросёнок. – У петуха не шпоры, а пики. Поэтому лучше быть трусом, но живым, чем счастливым мертвецом.

– А кто обещал Кешу поддержать?

– А я и так его поддерживал. Переживанием. Аж чуть сердце не лопнуло! Я что обещал, то выполнил. А зачем попугай так орал? Он что, не знает, что мы, свиньи, дикого крика не выносим? У нас, можно сказать, к высоким нотам уши не приучены. Поэтому мы пускаемся наутёк.

– Да вы, свиньи, ещё сильнее визжите. Мы же не убегаем!

– Свой визг он и есть свой. Его всегда приятно слушать. Поэтому ещё раз для непонятливых поясню: Кеша сам виноват.

– Ладно, пойдём под навес и там всё обсудим. Давай, Кеш, спускайся к нам.

– Боюсь, вдруг ты меня в ключья порвёшь?

– С чего это ты взял?

– А зачем ты на меня с лаем набросился?

– Так я ж хвостом по-доброму вилял.

– А откуда мне знать, где добро, а где зло?

– Если я лаю и хвостом не виляю – это всерьёз. А если лаю и виляю, то хозяину даю знать, будто зол, а пришельцу хвостом показываю, что это не всерьёз.

– Что же ты раньше об этом не сказал? – и попугай спланировал под навес к друзьям. – Теперь ты из-за меня пострадал, без еды остался, – сокрушённо произнёс он.

– Лучше пострадать, чем друга предать, – ответил Шарик.

– Я тоже пострадал, – страдальчески скорчил рыло поросёнок. – Колени чуть крапивой не ободрал. Но ради друга я готов и эту боль стерпеть.

– Придётся тебе, Хрюнчик, ещё пострадать. Будешь со мной и Кешей едой делиться.

– Я могу только одно страдание выдержать, – испугался поросёнок. – А два не сумею.

– А как же наша хвостатая дружба? – искоса глянул Шарик.

– Дружба хороша, когда не приносит вреда и не трогается моя еда, – сказал поросёнок и, не оглядываясь, двинулся прочь.

– Ты что, обиделся? – пытался остановить его Шарик.

Но поросёнок ничего не ответил. На душе у Шарика стало мерзко, а почему – не знал. Кеша, нахохлившись, молчал. Что за мысли у него в голове – Шарик угадать не мог. Да и спрашивать не было желания. И тут из-за забора вывернулся поросёнок и, подбежав к попугаю, закричал:

– Я знаю, где много еды!

– Где? – готовый сорваться с места, ожил тот.

– Там, у дороги! Лошадь шла и теряла не переварившиеся зёрна ячменя! Побежали, пока нас не опередили!

Шарик, пренебрежительно глянул в сторону поросенка:

– Где ты видел, чтобы собаки или попугаи в чьём-то дерьме ковырялись?

– Мы всегда ковыряемся! Не пропадать же добру!

– Чтобы, Хрюнчик, дружить с тобой, надо стать свиньей.

– Ах, вы так! Ну и оставайтесь одни со своей дружбой! – с обидой выплеснул поросёнок и ушел.

– Придётся в клетку возвращаться, – вздохнул попугай.

– Не спеши, мы что-нибудь придумаем, – начал уговаривать его Шарик.

– Там сытно и ни о чем не надо думать.

– Мяу, – раздался голос. Друзья обернулись и увидели гуляющего по забору Дымка. – Многие о свободе говорят, но не хотят её.

– Почему ты так думаешь? – спросил Шарик.

– Свобода – это самому принимать решения и отвечать за них, а не ждать, что кто-то тебя накормит.

– А почему бы и нет? – не сдавался Шарик.

– Ты вот за кусок спину прогибаешь и подставляешь, а попугаю в клетке сидеть и через решётку на мир смотреть. Разве вы не знаете, что свобода просто так не дается. Она требует принимать самостоятельные решения.

Попугай, вздохнув, сказал:

– Хороша воля, но не для меня, – и, взмахнув крыльями, упорхнул в форточку.

А кот, махнув хвостом, спрыгнул с забора и скрылся в саду. И остался Шарик один.